

Section 2. The Humanities

А. Э. Гатина,

*к. ф. н. кафедры Современного русского языка,
Кыргызско-Российский Славянский университет*

Лингвистические признаки притчевого повествования в прозаическом тексте (на примере произведения Ч. Айтматова «Плач перелетной птицы»)

«**Кто имеет уши слышать, да слышит!**» – так говорится в Евангельской Притче о сеятеле (4, Мф. 13:9) и в Истолковании притчи о пшенице и плевелах (4, Мф. 13:43).

Строго говоря, всякий текст художественной литературы имеет второй план – выводимый смысл. Однако формы подачи скрытого смысла различаются в разных видах художественного текста. Какой конкретный смысл читатель извлекает из авторского текста, что он «**слышит**», зависит от того, может ли он узнать форму иносказательности, знаком ли он с художественным кодом, и, прежде всего, – с поэтикой конкретного жанра.

С лингвистической точки зрения обусловленность интерпретации содержания сложного знака тем, как воспринимается план выражения этого знака-текста, означает, что объективно в языке имеет место некая «грамматика» типовых форм высказывания, или типов контекста. И она требует своего адекватного описания. Сегодня поставленная задача лингвистического описания текстовых форм относится к области коммуникативной грамматики и лингвистики текста¹.

Как известно, одним из первых, кто поднял проблему лингвистического описания жанров как относительно устойчивых типовых форм высказывания, был М. М. Бахтин: «Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические). Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (т. е. приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим ее конец, **т. е. с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в речи**» (выд. авт. – А. Г.). Типовые формы высказывания вырабатываются как устойчивые жанры речи на основе определенного тематического содержания, стиля и ком-

¹ Например, работы (2; 5; 6; 10; 11; 15) и др.

позиционного построения, которые «неразрывно связаны **в целом** высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» (3, с. 237, 257).

Но дело в том, что для говорящих/коммуникантов конститутивные характеристики типовых форм высказывания (жанра) не являются вполне осознанными, а «схватываются» (comprehend), постигаются интуитивно в процессе коммуникации (в том числе, художественной коммуникации). Поэтому экспликация этих характеристик и составит грамматику, которую используют коммуниканты (т. е. грамматику, адекватную знанию данного кода)¹.

К интуитивно постигаемым, неочевидным жанровым признакам высказывания/текста относятся (если определять их в терминах теории речевого акта (14)) иллокутивная цель, целеустановка автора и перлокутивный эффект². Иначе говоря, это коммуникативный замысел, установка на способ его выражения в данных условиях и ожидание соответствующей реакции на высказывание. Сказанное в полной мере относится и к жанровым признакам такой устойчивой формы высказывания, как притча.

В своих рассуждениях мы основываемся на дедуктивно-гипотетическом методе, применение которого, по словам С. К. Шаумяна, «приводит не столько к открытию новых фактов, сколько к объяснению уже известных в новом свете»³. Применительно к нашему исследованию это означает, что, имея определенные сложившиеся представления о данном предмете, мы хотели бы объяснить его свойства с лингвистической точки зрения.

Притчевые признаки на первый взгляд неочевидны, поскольку они проявляют себя как глубинные характеристики, которые составляют конститутивные свойства данного типа дискурса. (Их отсутствие приводит к изменению типа, например, рассказ, басня, легенда и др.) При этом в таком высказывании/дискурсе есть регулярные дистрибутивные условия их появления⁴. С этой точки зрения, можно говорить о **кон-**

¹ Здесь можно сослаться на положение Н. Хомского об адекватной грамматике, отражающей языковую компетенцию говорящего как «способность производить и распознавать» в речи синтаксические единицы, различая среди них грамматически правильные и отступающие от норм, несмотря на то что конкретное высказывание не встречалось в языковом опыте говорящего (3, с. 455-456).

² Каждый речевой акт относится к тому или иному типу, в соответствии с его иллокутивной функцией, которая реализуется в высказывании, «т. е. в соответствии с характером входящего в его состав иллокутивного акта. Каждый тип иллокутивного акта характеризуется условиями, выполнение которых необходимо для успешного осуществления иллокутивного акта данного типа» и которые, соответственно, должны быть отражены в семантическом представлении высказывания (12, с. 24-30).

³ «Гипотетико-дедуктивный метод представляет собой циклическую процедуру, которая начинает с фактов и кончат фактами. В этой процедуре различаются четыре фазы: 1) фиксирование фактов, требующих объяснения; 2) выдвижение гипотез для объяснения данных фактов; 3) выведение из гипотез предсказаний о фактах, лежащих за пределами круга фактов, для объяснения которых были выдвинуты гипотезы; 4) проверка фактов, которые предсказываются гипотезами, и определение вероятности гипотез. В отличие от индуктивного метода, для которого существенно простое накопление возможно большого количества фактов, гипотетико-дедуктивный метод требует строго отбора фактов, подчиненного решению определенной теоретической проблемы», – разъясняет С. К. Шаумян (17, с. 462-463).

⁴ Например, для отдельно взятого речевого акта такая дистрибуция обнаруживается в виде определенного согласования между типом речевого акта и структурой участвующей в нем пропозиции, а именно, как отмечает Е. В. Падучева, «каждому иллокутивному акту соответствуют определенные ограничения, наложенные на структуру или смысл пропозиции. Не каждое предложение может быть использовано в каждом из возможных иллокутивных актов. Так, в иллокутивном акте побуждения (приказа, просьбы) содержанием пропозиции является будущее действие *Д*, которое осуществляется слушающим *С* или по крайней мере как-то зависит от *С*. В акте обещания (любом другом акте обязательства) содержанием пропозиции является будущее действие *Д* говорящего *Г*, которое как-то затрагивает *С*...» (12, с. 38).

текстной грамматике, которая связана с характеристиками жанра/типовой формы высказывания – не только такими, как композиция, тема и стиль, но, в частности, и цель, авторская целеустановка высказывания. Это **грамматика имплицитных форм**. Наша задача – эксплицировать в языке исследуемого текста те инвариантные признаки, которые любой говорящий улавливает на интуитивном уровне как структурные (конститутивные, обязательные) признаки данной типовой формы высказывания. Тем самым мы объясняем, почему говорящие понимают данный текст/высказывание как притчу, т. е. представляем «адекватную грамматику» данного типа текста¹.

Так, исследуя Евангельские притчи, Ю. Левин определил такую структурную особенность данных текстовых форм, как тип моделирования ситуации. В Евангельских притчах либо моделируется ситуация, относящаяся к некоторому конкретному пространству-времени мира действительности, либо излагаемая ситуация имеет абстрактно-логический характер и относится к миру идей («пространству логических возможностей»). Первый тип исследователь рассматривает как К-высказывания, а вторые – как L-высказывания. Кроме того, имеет место и промежуточный тип притч, которые «моделируют L-ситуации в K-коде». Они «по видимости скорее конкретны, по сущности логичны» (7, с. 521). Среди особенностей целостного построения Евангельских притч названных типов отмечены аксиоматичность утверждений, соответствие форме логической импликации (*если..., то...*), а также форме дизъюнкции (*или..., или...*), условность и одновременно скрытая императивность суждений, предписывающих определенные правила поведения, иносказательность, отнесенность в план будущего и наличие толкования (метатекста) (7, с. 521-540).

Мы выбрали для анализа произведение Ч. Айтматова «Плач перелетной птицы», которое обозначено в подзаголовке как притча (1, с. 307-320).

По определению, **притча** – «дидактико-аллегорический жанр литературы, в основных чертах близкий басне². В отличие от нее, форма притчи возникает в некотором контексте, в связи с чем она допускает отсутствие развитого сюжетного действия и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего, однако, символическую наполненность; с содержательной стороны отличается тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка» (9, с. 305).

Принимая во внимание данное толкование, мы, в свою очередь, можем отметить, что **притча** – это типовая форма высказывания, которая воплощает: 1) скрытое авторское намерение (цель) – **назидание**; и 2) обязательное прагматическое значение (авторскую установку) – установку на **иносказательность** сообщения (предполагающую подтекст и свернутость содержания) – как прием воздействия и дополнительное средство реализации цели высказывания. Эти ключевые свойства высказывания-притчи, на наш взгляд, реализуются **имплицитно** (не прямо) – а) посредством референции высказывания в целом (соотнесенность его с действительностью) через категории

¹ Как известно, первоначально грамматика текста ставила задачу – выявить общие структурные закономерности текстопостроения (по сравнению с предложением) всех текстов, безотносительно к типологическим разновидностям текстов (11). Исследуя контекстную грамматику текста притчи в данной статье, мы отвлекаемся от тех свойств текста, которые характеризуют оппозицию 'прозаический – стихотворный текст'.

² В отдельных литературоведческих источниках басня и притча как формы иносказательного повествования вовсе не различались (13, с. 93-94).

времени и модальности¹; б) через референциальный статус имен (именных выражений) в тексте².

Если вспомнить классификацию структурных типов Евангельских притч, по Левину, то оказывается, что анализируемый текст Ч. Айтматова построен как «М-притчи», т. е. притчи промежуточного типа. В нем смоделирована ситуация, как будто соотношенная с определенным пространственно-временным фрагментом мира (это повествование о событиях в Прииссыккулье и Талчуйской долине, которые, в частности, обозначены глагольными формами прош. времени сов. вида, например: *Учар успел пристроиться к толпе; Вместе с сыновьями Кертолго-зайнат внесла мужа...; Держа Учара на ремне, Элеман остановился; Она пробормотала...; С этими словами она повернулась лицом к Озеру...; Наша стая повернула назад;* и т. д.). Однако на самом деле ситуация **в целом** высказывания-текста (**Плач**) представляется как отвлеченная от конкретной пространственно-временной определенности событий, обращена к «миру идей» (в план философствования, «мудрствования»). Такая направленность общего содержания создается имплицитно, прежде всего (включая уже названные – категорию модальности и статус именных групп в тексте), через реализацию «неповествовательных» временных значений особыми лексическими, синтаксическими и морфологическими средствами.

Рассмотрим временные значения и средства их выражения в тексте как имплицитные маркеры жанровой формы.

В данном тексте представлены четыре сюжетных фрагмента (каждый из которых разворачивается в фабуле): 1) отъезд матери на похороны (мальчик Элеман догоняет гончего пса; поведение собаки и людей; разговор жены с мужем, мастером-юртовщиком, о плаче; наказ матери сыну); 2) молитва матери Элемана у Озера (молитва-обращение к Озеру; мольба о сыне; Озеро и птицы глазами сына; сообщение о будущем мальчика; сказ про сказание о Манасе); 3) смерть отца мальчика (плач мальчика возле умирающего; мальчик на озере; озеро и птицы той ночью; весть в сторону Талчуйской долины); 4) полет птицы над Талчуем (картина людского побоища «глазами птицы»; просьба о прощении; «дума» птицы; плач птицы).

Все эти события не привязаны к точно определенному временному отрезку. Кроме «временной локализации» – указания на начало весны в описательном фрагменте (*На исходе затяжной зимы, в начале весны, берега Иссык-Куля стояли обнаженно-пустынно...; Но вот снова весна...;*) и обозначения времени суток в повествовании (*Той ночью, на рассвете на глазах младшего сына Элемана...*), – в остальных случаях время события представлено либо как относительное, либо как не локализованное в какой-

¹ Ср. определение близкого к притче жанра легенды именно через этот параметр: «Легенда (от лат. *legenda* – то, что следует прочесть) – 1) средневековый жанр письменной литературы – житие святого; 2) в фольклоре – устный народный *рассказ, в основе которого лежит чудо, фантастический образ или представление, воспринимающееся как достоверное...*» (9, с. 177) (выд. авт. – А. Г.).

² Референция – есть отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам). Референт – объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок (8, с. 411). Нам представляется более приемлемым широкое определение референции, отмеченное в работе Е. В. Падучевой: «Мы считаем референцию свойством: а) целого предложения, употребленного в составе высказывания; б) пропозициональных компонентов, входящих в состав такого предложения; в) именных групп предложения (тоже актуализированного в высказывании)» (12, с. 8).

то точке, неактуальное настоящее или длительное (или кратное) прошедшее, либо понимается в контексте ирреальной модальности как обращенное в план будущего.

Так, относительное, таксисное, время в данном тексте характеризует событие не точно, а **через отсылку** к какому-то другому событию (выражаемому с помощью указательных местоимений, выделяющих предмет из класса: *в тот день*; *в те дни*; *в тот час*; *от тех дней и до этих*; *той ночью*; *в ту ночь*; с помощью деиктических слов – местоименных наречий: *вчера*, *сегодня*; и сложноподчиненных предложений: *Когда что-то происходило или произошло, в это время или потом что-то еще происходило или произошло*).

Например:

Откуда было знать собаке, что все мужчины... находились в тот день далеко за горами...; ...не было в те дни человека, который и вслух, и молча не думал бы...; Озеро в тот час было спокойным...; От тех дней и до этих дни утекали...; Что было вчера – того нет сегодня; А сейчас он просто стоял на берегу...; Той ночью на рассвете на глазах младшего сына Элемана ушел в иной мир великий мастер Сенирбай-юртовщик; Иссык-Куль ярился в ту ночь; А когда она села на лошадь..., он еще долго стоял...; До обиды ли сейчас, когда один бог знает...; Шел уже пятый день...; Мы летели долго; После битвы там тировали стервятники...; и др.

Относительное время создает иллюзию временной конкретности и определенности события; по сути же, это своего рода внутренняя цикличность времени событий относительно времени говорящего, который об этих событиях сообщает. (Можно обозначить их как «слабо определенные», т. е. известные для говорящего, но неизвестные для слушающего (12, с. 90)).

Ср.:

Старик Сенирбай третьи сутки лежал в своей плотницкой юрте, как захватил его приступ, а он давно уже страдал сердцем, и когда пришла весть от сватов..., Сенирбай собрался было немедленно отправиться на похороны, как повелевал долг и обычай между сватами, и уже надел шубу..., как он, переступив порог юрты, схватился за сердце и уж не смог вдеть ногу в стремя.

Здесь события представлены как 'предшпрошедшее в прошедшем' и 'будущее в прошедшем' относительно времени говорящего.

Именно такая «защикленность» временных планов, соотнесенных внутри контекста, выявляется во втором сюжетном фрагменте (молитва матери).

Ср.:

Не знал он, дитя, что еще не раз и не два, а много раз в жизни вспомнит этот день, этот час мольбы матери на Озере, что, вспоминая, будет плакать и отрадно, и горько, будет благодарить судьбу за то, что мать вымолила ему у самого Тенгри дар великого сказителя «Манаса», за что имя ему дадут в народе – громopodobный манасчи Элеман. Не знал он, что молодые годы его совпадут с лихими годами насилия ойратов, что людям придется слушать «Манас», скрытно собираясь в глухих ущельях, не знал он, что каждый раз, начиная с зачина «Манаса», мысленно будет возвращаться к мольбе матери на Озере, давно уже убитой ойратами за сокрытие сына-сказителя, и потому в сокровенном смысле зачина будет ему и утешение, и обретение духа величия, и ощущение красоты и глубины слова предков, в котором воспета суть бессмертия народа. Не знал он, что именно ему будет написано на

роду напоминать затаившим от страха дыхание людям «Манас»: «О киргизы, о самом великом среди нас, о Манасе слушайте сказ.

Событие в прошлом с точки зрения автора/говорящего (*Не знал*) преподносится как факт из будущего героя (*еще не раз и не два, а много раз в жизни вспомнит*) сквозь призму длительного настоящего самого героя (*этот день, этот час мольбы*) и как прошлое героя (*вымолила*) в его будущем (*будет благодарить*), и это “прошлое в будущем” перенесено автором из будущего в длительное настоящее героя (*этот час мольбы матери на Озере*).

Таким образом, прошлое повествовательное время (автора/говорящего) накладывается на *длительное настоящее* время (время события в тексте), в котором дано **будущее** (время «свернутого» события в тексте) с включенным в него **прошлым** (время наблюдаемого в настоящем события в тексте)¹. Такое «закрученное в спираль» время вызывает «вторым планом» философскую мысль о том, что история повторяется; что прошлое присутствует в настоящем и в будущем и что от настоящего зависит будущее, в котором отзовется как происходящее настоящее, так и свершившееся прошлое. Безусловно, это есть **назидательный** посыл (message) автора, зашифрованный в структуре контекста собственно грамматическими средствами (соотносительность времен).

Кроме того, семантика обобщения (генерализации), свойственная контекстному содержанию притчи, выражается не прямо, через значение временной отвлеченности, представленное грамматическими формами неактуального (зуального, исторического) настоящего времени и/или формами несов. вида глаголов прош. времени в повествовании.

Например:

Гончие собаки почему-то любят, когда из аула выезжают гурьбой верховые в дорогу.

В приведенном фрагменте излагается смысл, отвлеченный от конкретной ситуации. Благодаря грамматическим формам глагола со значением неактуального наст. времени, несов. вида (*любят вообще*, *выезжают вообще*) и при помощи именной группы (гончие собаки), которая не индивидуализирует объект а, наоборот, имеет универсальный денотативный статус (подразумевается: *все гончие собаки*)², создается некое обобщение. Таким образом, высказывание в целом обозначает вневременную

¹ Здесь мы единомысленны с Г. А. Золотовой, которая, рассматривая темпоральное пространство текста, отмечает, что оно всегда объемно, сложно организовано, поскольку определяется «не реальным моментом речи, а представлением говорящего о соотношении времени события и времени его восприятия, наблюдения; ... точка отсчета времени не фиксирована моментом порождения текста, она подвижна и может перемещаться по воле говорящего, как его наблюдательный пункт, в разных направлениях по отношению к оси событий, занимая позицию, синхронную происходящему там, где он мысленно себя помещает в хронотоп актуализируемых картин событий, восстанавливаемых памятью либо рисуемых воображением, фантазией». В тексте взаимодействуют время «календарное» (физическая категория), «событийное» – текстовое (релятивная категория), реализуемое таксисной связью всех предикатов, а также «перцептивное» (выражающее позицию говорящего по отношению к событиям текста, «следуя вдоль событийной линии, говорящий воспроизводит “видимое” и “слышимое”). По формулировке Г. А. Золотовой, «событийное, текстовое время – категория креативная – создается соотношением линий Т2 и Т3 (т. е. событийной и перцептивной линий). Реализуется это соотношение через видо-временные формы глаголов той или иной семантики, референтный/нерферентный статус имен, деиктические, модальные и другие языковые средства» (6, с. 21-25).

² О нерферентных именных группах подробнее см.:12, с. 94.

и не выделенную в денотативном пространстве ситуацию. Какие в этом обобщении признаки притчевого содержания? Выражается ли в высказывании назидание, причем иносказательно? В данном контексте – именно так. Оно стоит в **сильной позиции** – в начале всего текста, и в первом сюжетном фрагменте через обобщение оно как бы задает контур предметного мира, помогает в целом обозначить мир человека как существа разумного. Отсюда вычитывается смысл: в мире людей всякий человек руководствуется не природными привычками, но социальными, а именно: долг и обычай повелевают поступками людей («...пока мы люди»). Эта мораль выводится из начального образовательно-оценочного сообщения, с которого начинается противопоставление двух типов поведения – собак и людей.

Ср.:

(1) Гончие собаки почему-то любят, когда из аула выезжают гурьбой верховые в дорогу. <...>

И далее: оценка-рассуждение (время отвлеченное, неохарактеризованное при согласительной модальности, придающее обобщенное звучание высказыванию):

Странные они твари – им бы только в поле, на простор... потому, наверно, они и гончие. <...> Глупый, глутый пес – кому же в такой момент могла прийти в голову мысль об охоте, когда неизвестно как могла решиться судьба целого народа. <...>

Далее: оценочное рассуждение (причинная и сравнительная конструкция: из чувства..., как повелевал... – нереферентные по своему статусу) в повествовательно-образовательном контексте:

Ан нет! Эти люди, старики и старухи, молчаливые и подавленные, окружавшие из чувства родового долга убитую горем сенирбаевскую невестку Алмаш, не замечали Учара, черного гончего пса. <...>

Сенирбай-юртовщик собрался было немедленно отправиться на похороны, как повелевал долг и обычай между сватами... <...>

И, наконец, прямая речь – побудительное высказывание как назидание старшего – с рассуждением-оценкой (общий план будущего¹, свойственный притче, совмещается с продленным настоящим: *пока...*):

Поднимите плач издали, чтобы слышно было далеко вокруг, что то плачут Бозои всем родом, поднимите плач громкий, чтобы скрасить голосами отсутствие зятя ихнего Койчумана и свата ихнего – меня больного. Пусть будет сказано этим: как бы война ни подступила, а хоронить и оплакивать усопших не забудем, пока мы все люди... <...>

С целью обобщения, как в притче, используется неповествовательное (настоящее неактуальное, узуальное) время и в заключительном сюжетном фрагменте (полет птицы над землей) – также представляющем сильную позицию текста:

<...> всякий раз, когда срок наступает – ни рано, ни поздно – поднимаются птицы в дальний полет. Они летят непременно, они летят неизменно по путям, лишь самим им ведомым<...>. Без усталости машут крыльями, даже спят на лету<...>. На север летят <...>. А по осени<...> на юг улетают, и так без конца...

¹ В ирреальной модальности грамматически время не дифференцировано, однако семантика побудительности в речевом акте побуждения характеризует действие, которое будет/не будет совершено как ответная реакция после высказывания говорящего. Таким образом, побудительность в высказывании создает общий план будущего времени.

В приведенном отрывке с помощью глагольных форм наст. узуального времени несов. вида сообщается извечный закон природы (регулярно повторяющиеся события), а именно, что природа живет своим чередом, в равномерном ритме отмеряя время. Этот контекстный смысл выражается здесь не только грамматически, но также лексически (*всякий раз; неизменно* по утрам) и ритмико-синтаксически (синтаксический параллелизм конструкции и повтор фразы).

И хотя далее обобщенно-информативный контекст сменяется изобразительно-повествовательным, где использована форма актуального настоящего времени глагола: *Вот мы летим уже многие, многие сутки <...>*, – но лексическое обозначение времени (*многие, многие сутки*) изменяет эту семантику: время-пространство (компонент лексического значения глагола *лететь*)¹ простирается до бесконечности, утрачивая значение 'сейчас'. Помимо глагольно-временных значений, контекст в целом сохраняет морально-дидактическую направленность содержания, которое выражается через категорию модальности и концептуальную лексику (*Время, Вселенная, мать, Добро, Зло, люди*).

Если говорить о категории модальности в тексте, то известно, что субъективная авторская позиция всегда *выводится* читателем из всех составляющих текста. Воля автора (создателя) скрыта уже в самом выборе средств и способов подачи своего замысла. Однако голос автора/говорящего звучит и прямо, «в чистом виде», когда в структуре текста обозначен как особая, маркированная позиция. В жанре притчи эта сильная позиция присутствует в виде вставного текста/метатекста – комментария или прямой речи, – выполняющего функцию «усилителя» основной мысли в содержании текста. В притче такой голос автора звучит как абсолютная истина, моральное предписание либо как предостережение (скрытый императив), назидание.

Ср. в Евангельской «Притче о заблудшей овце»:

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти не заблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих (4, Мф.18:10-14).

Или в «Притче о немилосердном должнике»:

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; <...> Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его (4, Мф.18:23,35).

В айтматовском тексте предостерегающий голос автора, обращенный к читателю, звучит «отдельной строкой». Но это создается имплицитно – средствами выражения модальности: предостережение выражается через просьбу. Так, в речевых актах просьбы о прощении (*Простите*) и молитвы/мольбы (*Простите, ради бога*) используется побудительная форма. Данная форма, как уже было сказано, задает общий временной план будущего (что обычно для притчи) отвлеченно от конкретной временной локализации².

¹ «Лететь» значит – преодолевать какое-то расстояние в определенный промежуток времени (ср. *лететь со скоростью 600 км/ч*).

² Поскольку морфологические формы глагола – побудительная (*простите*) и инфинитив (*не объяснять, не понять*) не характеризуются временными значениями.

В содержании этой просьбы авторский голос звучит как голос человека, который берет на себя всю тяжесть прежних и будущих грехов человечества¹ перед лицом природы. Авторская речь актуализирована ('здесь и сейчас'), однако содержание речи обобщенно: не соотнесено ни с конкретным событийным пространством, ни с конкретным моментом времени (неактуальное наст. время: *так устроена жизнь*).

Ср.:

Простите, птицы перелетные! Простите за то, что было, простите за то, что будет. Мне не объяснить, а вам не понять, почему так устроена жизнь людская, почему столько убитых и убиваемых на земле... Простите, ради бога, простите, птицы небесные, путь свой держащие в чистом просторе...

Имплицитно, в подтексте данного высказывания звучит неодобрение происходящего (*столько убитых и убиваемых*), близкое к нравовучению, наставлению. Таким образом, в форме речевого акта 'прощения' иносказательно (в форме косвенного речевого акта) выражается предостережение от зла². Это предостережение, обращенное к «внешнему» адресату – читателю. Действительно, «кто имеет уши слышать, да слышит!» Реальная цель косвенного речевого акта адекватно понимается благодаря оценке прагматических условий речи. Здесь это прагматическая целеустановка говорящего/автора на непосредственное обращение к читателю, от которого ожидается понимание того, что *птицы небесные* – лишь образно-эмоциональное средство, это иносказание.

Назидание всегда сильнее воздействует в образной форме. Автор свое слово «делегировать» самой природе, одному из ее представителей – «крылатой птице». Плеоназм *крылатая* – это намек на что-то большее, чем просто птица. Образ летящей днем и ночью птицы, обзирающей с высоты не только пространство под собой, но всю Землю во Вселенной, понимающей Время как субстанцию Вселенной и печально взирающей на дела людские, невольно ассоциируется с божественной силой, «посланником небес». Это, без преувеличения, внушительный образ в тексте. И речь такого героя вызывает доверие³. Поэтому голос автора персонифицируется в образе крылатой птицы для усиления воздействия.

В финальном фрагменте текста сначала в виде несобственно-прямой речи, а затем в виде прямой речи категорически высказывается моральное требование: «*не надо прощать*» «*злые дела*»: «*пожары неугасимые*», «*кровавые побоища*»... Эта мораль выражена прямо, но усилена формой плача/мольбы.

Как мать молит Высшие силы о будущем своего ребенка (ср. молитва матери на Озере), так «*крылатая птица*» (голос автора) молит о Земле, о ее будущем (*Плещи осторожней с землею...*). И эта молитва-заклинание обращена к людям (*Упаси вас, о люди, от бед нечеловеческих...*). В ней столько страсти (что иконически выражается многократным повторением фраз: *Лечу и плачу...; Упаси вас...; и все же...*) и столько опасения за жизнь Земли, этого живого, в глазах автора, существа – беззащитного «*заблудшего в степи верблюжонка*», что мольба-предостережение и в самом деле понимается как *плач* об ушедшем (ср. в начале текста – тема плача). И все-таки это

¹ Аллюзия, прямая отсылка к образу Христа, страдающего за грехи человеческие.

² «...при сообщении говорящий (Г) хочет, чтобы слушающий (С) знал, что Р; при предупреждении – то же, что при сообщении, и, кроме того, Г хочет сделать так, чтобы С мог противодействовать возможному злу» (12, с. 27).

³ Ср. в библейских притчах: «Истинно говорю вам...»

плач, обращенный в будущее («упаси» означает ‘сохрани в будущем’ и как речевой акт-мольба есть уже оберег в будущем), а значит, есть надежда, что человек пойдет по пути самосохранения.

Кроме того, для читателя понятно, что автор имплицитно **предписывает** выбор лишь одного пути из всех возможных (по тексту – тот, который совпадает с естественным путем природы во Вселенной). Эта назидательная цель автора становится понятной не только из прямой речи («упаси вас от...» означает еще и предсказание негативного сценария будущей жизни, плач о возможной непоправимой ситуации), но и из общего речевого контекста. В этом контексте прямая речь «всевидящего» героя – птицы (иносказательный голос автора) сменяется речью повествователя с оптимистической интонацией: *Но вот снова весна, и опять журавлиные клики в выси...* Такова модальность в конце текста («*Кто имеет уши слышать, да слышит!*»).

Таким образом, через грамматическую временную семантику (относительное время, неактуальное настоящее время или неохарактеризованность грамматических форм глагола по временной категории), а также через модальность высказываний, стоящих в сильных, маркированных, позициях в тексте, создаются и воспринимаются свойственные притче обобщенность смысла и назидательность содержания.

Литература

1. *Айтматов Ч.* Тавро Кассандры. Избранные произведения. – М.: ЭКСМО, 1995.
2. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2004 и др.
3. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 237-280.
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета (канонические): в рус. переводе с параллельными местами и приложениями. – М.: Российское Библиейское Общество, 1994.
5. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. *Золотова Г. А., Онитенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: РАН: Ин-т Русского языка им. В. В. Виноградова, 2004.
7. *Левин Ю. И.* Структура евангельской притчи // Избранные труды: Семиотика. Поэтика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 520-541.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
10. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. – М.: Ось-89, 1999.
11. Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978.
12. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985.
13. *Рудов М. А.* Жанр басни в русской литературе. Издания. Историография. Тематика семинарских занятий. – Фрунзе: Мектеп, 1974.
14. *Стросон П. Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах; Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986.
15. Текст. Интертекст. Культура. – М.: РАН: Ин-т Русского языка им. В. В. Виноградова, 2001.
16. *Хомский Н.* Синтаксические структуры. // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М., 1965. – С. 452-457.
17. *Шаумян С. К.* Насущные задачи структурной лингвистики. // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 458-466.